

УДК 94(47) : 94(5) : 903'15

**О ПОПЫТКАХ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ СБЛИЗИТЬ СУДОПРОИЗВОДСТВО КОЧЕВОГО
НАСЕЛЕНИЯ ТУРКЕСТАНА С ОБЩЕРОССИЙСКИМ СУДОМ
И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
(ПО АРХИВНЫМ, ПРАВОВЫМ И ИНЫМ МАТЕРИАЛАМ)**

А.Л. Салиев

Рассмотрены примеры сближения судопроизводства кочевого населения Туркестана с общероссийским судом и законодательством.

Ключевые слова: судопроизводство; “русификация”; кочевое население; Туркестан.

Тенденция царской политики к сближению судопроизводства кочевого населения Туркестана с общероссийским судом и законодательством была процессом неоднозначным. С одной стороны, она выражалась в том, чтобы установить контроль над судами номадов посредством изъятий из их ведения ряда дел и передачей их под юрисдикцию “русских” (государственных) судов. С другой – в том, чтобы внедрить нормы тогдашнего российского законодательства в судопроизводство кочевых народов, избавив его от использования непродуктивных, отживших и вредных, с точки зрения царской власти, норм обычного права, мешающих прогрессивному развитию номадов. Наконец, приобщение кочевников Туркестана к русскому суду и праву шло по линии их подсудности этому суду, согласно нормативно-правовым актам, относящимся к данному региону. Такого рода политика имела свои исторические аналоги в практике деятельности колониальной администрации западных метрополий в их американских, африканских, азиатских, тихоокеанских и иных “лимитрофах”, что позволяет нам говорить о ней как об общей закономерности в развитии контактов развитых стран с населением их владений. Например, исследователь И.Е. Сеницына писала в 1978 г. о том, что “применение английского права предусматривалось первыми колониальными договорами”¹. Однако сначала английское право распространялось только на подданных “короны”, но со временем, в крупных уголовных и гражданских делах, оно стало применяться и к аборигенам

колоний. Британские колонизаторы разрешили последним иметь свои собственные суды, основанные на обычном праве, но в апелляционном порядке они могли обращаться лишь в суды английского права. Она отмечала, что и в обычной практике “местные (“туземные”) суды при вынесении решений на основе обычного права обязаны были до известной степени согласовывать решения с английским “правом справедливости”².

Попытки царской власти сближить судопроизводство кочевого населения Туркестана с общероссийским судом и законодательством не были феноменом и в ее политике на национальных окраинах империи. Мероприятия такого рода проводились еще в XVII в. в среде перекочевавших на территорию России калмыков. В то же время они применялись по отношению к “бродячим народцам”³ Сибири, а также распространялись в Башкирии. С середины XVIII в. царские власти старались сближить с российским судом и правом традиционное судопроизводство кочевников на присоединившихся к России территориях Казахстана. Непосредственно перед присоединением Средней Азии царизм пытался сделать то же самое в среде “горских” народов Кавказа, имевших свои суды по обычному праву (адату). Такую политику царизма можно было бы назвать “русификацией” обычного права и судопроизводства кочевых народов Российской империи, однако мы считаем такой термин излишне глубоким и существенным для данного случая.

² Там же. С. 28.

³ Так в то время называли в официальных документах кочевые этносы этого региона – А.С.

¹ Сеницына И.Е. Обычаи и обычное право в современной Африке / И.Е. Сеницына. М., 1978. С. 27.

Мы предпочитаем называть ее “обрусением” номадического судопроизводства в царистской империи, понимая “обрусение” как *приспособление* кочевых судов к новым историческим условиям царистского господства в Туркестане, их частичную адаптацию в общероссийскую судебную систему. Оно имело разные степени влияния на последнее в различных регионах царской России. И в этом отношении Туркестан вряд ли был ущемлен более других, как это пытались утверждать советские историки региона или некоторые их ангажированные коллеги в нынешних странах Центральной Азии. Помощник военного губернатора Сырдарьинской области, полковник Н. Дингельштедт писал в 1892 г. о том, что кочевые народы других частей Российской империи “должны обижаться на то, что они живут в более сложных правовых и судебных условиях, нежели их туркестанские соплеменники”¹ (курс. наш – А.С.). С ним солидаризировался советский туркестановед Т.С. Саидбаев, отмечавший в 1978 г., что после присоединения Средней Азии к России царские власти “учредили народные суды, которые имели больше прав и полномочий, чем народные суды в других регионах Российской империи”². Таким образом, у нас нет оснований полагать, что степень “обрусения” кочевого судопроизводства в дореволюционном Туркестане была самой жесткой в черед других ему подобных в царской России.

Начало “обрусению” кочевого судопроизводства в Туркестане положило “Временное положение об управлении Туркестанской области”, утвержденное императором Александром II 6 августа 1865 г.³ Оно учредило народные суды как по обычному праву (адату), так и шариату, но поставило их под контроль так называемых “управляющих туземных населением”, которые могли рекомендовать тех или иных “туземцев” к назначению (или смещению с должности) биев и казиев военным губернатором области. “Управляющие” могли также отменять решения и приговоры народных судей, если они противоречили их пониманию справедливости или отличались жестокостью. Другой чертой “обрусения” судопроизводства кочевников Туркестана было изъятие из их ведения, согласно

статье 36-й “Временного положения” 1865 г., дел по убийствам, грабежам, угону скота (барымте), разбоем, изнасилованиям и т. п.⁴ Но главным, на наш взгляд, в тогдашнем “обрусении” кочевого судопроизводства было рождение у биев ощущения постоянного присутствия возле них незримой, но опасной чужой силы, которая отныне как “Дамоклов меч” нависала над всей их судебной практикой. В последующем это ощущение становилось сильнее, так как возрастала степень влияния царской власти и русского права на обычное право и судопроизводство номадов Туркестана.

Было бы ошибочным полагать, что царская власть действовала только в одном направлении, осуществляя перманентно прессинг на народные суды “туземного” населения указанного региона, подминая их под себя, навязывая им свою волю и т. д. Отнюдь. Проект временного “Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях” 1867 г. вернул под их юрисдикцию дела, изъятые “Положением” от 6 августа 1865 г. Примечание к § 198 гласило: “Уголовными делами у киргизов (читай: кочевников – А.С.), подлежащими суду народному считаются убийство и баранта”⁵. Примечательно, что при этом, согласно § 131, дела по убийствам среди оседлого населения были по прежнему изъяты из ведения народных (шариатских) судов казиев⁶. Возвращение этих дел в ведение кочевого судопроизводства в Туркестане было непростым и вызвало острые дискуссии, однако члены так называемой “Степной комиссии”, разрабатывавшие проект, в большинстве своем пришли к выводу о том, что “главное основание судостройства в Киргизских степях должно заключаться в предоставлении киргизскому народу⁷ права судиться по местным обычаям, с возможным расширением прав народного суда”⁸. Комиссия отмечала, что подчинение кочевников “русскому суду на основании прежнего порядка в обеих степях невозможно”. По ее мнению, бюрократизм и сложность российской судебной системы противоречат условиям жизни кочевников и потому они “сделали прежний суд наш как гражданский, так

⁴ Там же. С. 880.

⁵ Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях. СПб., 1867. С. 31; “барантой” в официальных документах того времени называли барымту – А.С.

⁶ Там же. С. 21.

⁷ В официальных документах и в обиходной речи того времени “киргизами” называли всех кочевников Туркестана, кроме туркмен – А.С.

⁸ Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Алма-Ата, 1960. С. 265.

¹ Дингельштедт Н. Судебное преобразование в Туркестане / Н. Дингельштедт. Б.м., 1892. С. 58.

² Саидбаев Т.С. Ислам и общество: опыт историко-социологического исследования / Т.С. Саидбаев. М., 1978. С. 98 (в сноске).

³ См.: Высочайше утвержденное – “Временное Положение об управлении Туркестанской областью”. 6 августа 1865 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 40. Отд. 1. 1865. СПб., 1867. № 42372. С. 876–881.

и уголовный орудием упадка нравственного нашего влияния”. Комиссия констатировала, что кочевники не верят такому русскому суду, “что не может не ронять даже достоинство правительства”¹. Вместе с тем, она указывала что “с предоставлением означенного права киргизам правительство не должно отказываться навсегда от объединения и этой народности с общим (то есть русским – А.С.) судом в видах государственного единства; *народный суд должен быть оставлен до тех пор, пока постепенный успех гражданственности в среде киргизского народа не поставит его в уровень с остальным населением России*”² (курс. наш – А.С.). Однако члены комиссии рекомендовали разрешить кочевникам “Степей” уже в то время обращаться за решением своих дел к русским судам. Они указывали, что “с предоставлением киргизам права для разбора дел обращаться к русскому суду туземное население приобретает возможность найти суд и защиту у русской власти и станет без насилия и принуждения привыкать к русским порядкам. Таким образом устроенный суд, поистине, *станет средством соединения, а не разъединения народностей, как было прежде*” (курс. наш – А.С.). При этом “Степная комиссия” еще раз подчеркивала важность “подчинения общему (русскому – П.Л.) суду всех обывателей Степи, за исключением киргизов, и предоставление киргизам права обращаться для разбора дел между собой к русскому суду”³.

Советская историография, как правило, утверждала, что “туземное” население Туркестана редко обращалось в царские (читай: русские) суды, защищавшие интересы российских помещиков и капиталистов, а также местной аристократии и богачей. Этот тезис верен, но лишь отчасти – применительно к оседлому населению региона, предпочитавшему разбирать свои дела в шариатских судах и действительно весьма редко обращавшихся в русские суды. Преимущественно это были “сарты” – предприниматели, имевшие дела с российскими банками и компаниями. Однако указанный тезис не совсем убедителен в отношении кочевого населения Туркестана. Современный казахский историк Ж.О. Артыкбаев, явно не склонный идеализировать царистский период в истории Туркестана, признает, что во второй половине XIX в. “все больше казахов, отчаявшись получить удовлетворение от новых биев, идут в имперские суды”⁴.

В этих условиях царские власти могли бы использовать такой благоприятный шанс и упразднить традиционное кочевое судопроизводство, однако, по словам Артыкбаева, “тем не менее, правительство не рискнуло уничтожить бийские суды, которые с перебоями, но функционировали до конца XIX века”⁵. Его мнение подтверждается многими дореволюционными авторами и документами. Российский правовед И.В. Аничков писал в 1899 г. о том, что кочевники Туркестана и “степных” областей стремятся разбирать свои дела в русских судах потому, что “заправили и сильные туземного мира несправедливо судят и угнетают их”⁶. Известный дореволюционный российский юрист (прокурор) Б.Н. Дельви́г писал о том, что в виду значительного числа пороков в деятельности народного суда биев, “многие киргизы хотят судиться в русских судах, считая свой суд несправедливым”⁷. Есаул Ливкин, командированный военным министерством в Индию и по пути посетивший “степные” области и Туркестанский край, писал в своем отчете о том, что “туземное” население Средней Азии “часто предпочитает единоличное решение представителей русской власти спорам между собой – решению их по шариату и обычаю”⁸. Первый департамент министерства юстиции (“часть юристконсультская”) указывал в 1897 г., что “туземное население этих окраин (“степных” областей и Туркестанского края – А.С.) еще мало знакомо с деятельностью русского суда, а вместе с тем *имеются уже достаточные указания на то, что оно начинает тяготиться неурядицей своего собственного народного суда*”⁹ (курс. наш – А.С.). По мнению департамента, властям следовало действовать в направлении постепенного и осторожного привлечения “туземцев” к русскому суду, в связи с чем он указывал, что “министр юстиции признавал бы, однако, весьма желательным ныне же открыть для всякого туземца возможность судиться по своим тяжбам в русском суде и с этой целью изменить статью 215 Туркестанского Положения в

⁵ Там же. С. 61.

⁶ Аничков И.В. Присяга киргиз перед русским судом / И.В. Аничков. Ташкент, 1899. С. 11.

⁷ Дельви́г Б.Н. Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев Степного края / Б.Н. Дельви́г // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 5. С. 139.

⁸ Архив СПб Ф ИВ РАН. Ф.115. Оп. 1. Д. 120. Рапорт и отчет есаула Ливкина о командировке в Индию. Л. 33.

⁹ Россия. Министерство юстиции. Об устройстве судебной части в Туркестанском крае и Степных областях. СПб., 1897. С. 21.

¹ Там же. С. 265.

² Там же.

³ Там же. С. 266.

⁴ Артыкбаев Ж.О. История Казахстана в XIX веке / Ж.О. Артыкбаев. Караганда, 1992. С. 60.

том смысле, что дела, подсудные народному суду, могут подлежать разбору мировых и общих судебных установлений по их подсудности не только по соглашению обеих сторон, но и по желанию одного из тяжущихся”¹. Руководитель правительственной “ревизии” Туркестанского края в 1908–1909 гг. сенатор К.К. Пален писал о том, что представители “деловых кругов” местного коренного населения как кочевого, так и оседлого “стремятся к сближе-

¹ Россия. Министерство юстиции. Об устройстве судебной части в Туркестанском крае и Степных областях. СПб., 1897. С. 22.

нию с русским правом”². Однако туркестанская администрация мало что делает для реального такого сближения, в том числе, разумеется, и непосредственно русские суды. По мнению Палена, правительство должно идти навстречу правовым нормам “туземного” населения с тем, чтобы в итоге прийти “к полному сближению с правовыми нормами современного государства”³.

² Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края: правовой быт туземного населения / К.К. Пален. СПб., 1910. С. 118.

³ Там же. С. 117.